

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46.

Смертный грех

Раздались руладные звоны междугородного телефона. Панферов снял трубку, попросил Михаила Александровича.

– Михаил Александрович ушел в старый курень, – ответил хрипчатый мужчина.

– Соединить можете?
– Там нет телефона.
– Передайте – он необходим Панферову. Звонок повторю.

Я сразу догадался, что Федор Иванович звонит Шолохову, в станицу Вешенскую.

Панферов задумался, и я поинтересовался у него, как-де, легко или трудно, работать с классиками?

– По-разному. Во всяком случае, замечания делаем и требуем доработок.

Он опять призадумался и спросил, балуюсь ли я винцом?

– Умеренно.
– Перебивать случалось?
– Угу.

– Грех наш смертный. Мише вот беречь бы себя... Перешел на шампанское. Оно-то, едва с излишком размочил губу, тянется за собой коньяк и, как водится, беленькую. Миша-Мишей... Я сам, сам-то я не умею останавливаться. Знаем ведь: сторониться нужно запоев. Ан не сторонимся. А как с куревом?

– С пяти лет зобаю. Верно, стараясь сдерживаться.

– До революции этого не было.
– Мой тятя, женатый уже, надумал курить. Он и его отец, мой дед Анисим Михайлович, носили мешками зерно в сусек. Тятя скрутил сигарку и закурил. Входит мой дед – на горбу мешок. Тятя раз сигарку в зерно, да запоздал. Дед снял кнут со стены завозни и ну охаживать моего тятю. Тятя закурил только на Ленинградском фронте, когда стал снайпером.

– Вот так поохаживал!
– А меня некому было кнутом отхлестать. Барак. Родители развелись. Мама день-деньской на работе. И не знала, что я заделался курякой. Бабка стегала, но не за курение.

Панферов слушал со страдальческим, советовав отрешиться от табака и на дно рюмки не заглядывать. Время от времени он повторял:

– Не умеем мы, русаки, беречь себя, губим свои дарования.

Нас называли новомировцами

О чем с ним ни говорили, меня огорчало впечатление завещательности. Прочен еще, ясен умом, выдает крупные романы, тем не менее то, что сам должен создать, точно бы препоручает совершить мне.

Два моих рассказа, принятых им, он не успел напечатать: был снят с должности за свою пьесу «Когда мы красивы», полную самоцветного языка и великолепия искренней мудрости.

На место Панферова поставили Михаила Храпченку, еще недавно председателя Комитета кинема-

Явление столичного поэта Николая Глазкова было на грани невероятного

тографии. Он отклонил мои рассказы, усмотрев в них родство с многомерно-праведным, на редкость образным рассказом Александра Яшина «Рычаги», опубликованном в № 1 альманаха «Литературная Москва» и разгромленном падкой на идеологические кровопускания официальной критикой. После второго номера альманаха закрыли.

Эти вопросы: «Откуда он взялся? что написал?..» – навряд ли присвоил бы москвичам Анатолий Ткаченко, если бы он даже мало-мальски уверял мою судьбу и мои публикации. Журнал «Новый мир», когда решался вопрос, печатать или запретить «Юность в Железнодорожье» (запретили ведь в 1964 году повесть «Гибель такси», «Происшествие» – заглавие, данное Твардовским), лавинно подвергался погромным и специальным нападкам советской прессы, цензуры, партийных органов сверху донизу, что в столь же лавинной мере увеличивало его читаемость.

Среди тех прозаиков, кого обильно читали (нас называли новомировцами, что мне вовсе не нравилось), находился и я. Из тысяч знакомых писателей из областей, краев, автономий России, из федеративных республик, с кем приходилось встречаться в конце 60-х и начале 70-х годов, я не помню ни одного, чьи глаза, чувства и сознание миновали бы мой роман «Юность в Железнодорожье» и повесть «Голубиная охота». Некоторые из них становились моими друзьями. Неожиданными для меня стали приезды в Калугу, потом – в Москву молодых и зрелых писателей, с кем не довелось познакомиться раньше. Так, первой, пожалуй, приехала рассказчица, корреспондентка газеты «Комсомольская правда» по Иркутской области Нелли Матханова, жена пронизательного смелого байкальского очеркиста Владимира Жемчужникова.

Поэт с выпивкой

Явление столичного поэта Николая Глазкова было на грани невероятного. Он появился с женой. Я видел его изредка в кафе Центрального Дома литераторов. Расплатанный – иглистые клочки волос

над ушами, донельзя вытянутый свитер, гориллорукий – ниспадают кисти ниже колен, пузыри брюк над коленями – все это производило о нем впечатление чокнутого. Поговаривали о намеренной чокнутости Глазкова – чтоб не посадили. Моментами я оказывался рядом с Николаем, но в нем была прямо-таки нелепая уклончивость: не взглянет, не отреагирует на мои слова, чего бы я ни касался. И вдруг он в моей квар-

тире над почтой и возле театра. Весь нормально-приятный, ухоженный, почти юный, в элегантно-костюме, меж лацканами которого снежной крупкой мерцает сорочка, ее лучистость смягчена пепельно-серой рогожкой галстука. И неудержимое нетерпение он проявил: принялся говорить о языке «Юности в Железнодорожье» с таким восторженным пиететом, что становилось неловко. И хотя грандиозно о языке моего романа говорил Александр Твардовский, я не испытывал тогда стеснительности, ибо у него была тональная мера, да к тому же на минуты между нами возникал спор, как, к примеру, могли пикировать комары из темноты на нас, пацанву: ему представлялось, что до Отечественной войны самолеты немецких фашистов не пикировали, стреляя из пулеметов и бомбы.

Мало-помалу я втянулся в глазковскую похвалу, потому что слушал сквозь его знаменитый экспромт на самостоятельном конкурсе поэтов в кафе Центрального Дома литераторов. Условия конкурса юморные до глумливости. Поэт, уже на заметной поддаче, залазит под столки с выпивкой и закусками. И без проволок выдает экспромт. Оценивают его всем гамузом. Победителем стал принятый патетическим ором Николай Глазков.

Я на мир взираю из-под столика.

Век двадцатый,

век необычайный!

Чем он интересней для историка,

Тем для современника

печальной.

Тайна искусства

И совсем неизвестные, молодые, одаренные красотой и непохожестью, пришли муж с женой: Сергей Козлов и Татьяна Глушкова. Сергей – шевелюра из кольца в кольцо, как картинно заметила моя мама Мария Ивановна, взор младенческой простоты, каким он бывает, коли нет огрехов, которые надо скрывать, и нет недоверия, которым затронута душа. Татьяна –

изыщества Артемиды с краснофигурной амфоры, волосы окутаны сиреневым муслином, закругленным над пучком, облегаю-

щим затылок, платье сдвинуто с одного плеча, приспущается чуть ли не до щиколоток вязаным своим шелком. Мгновенно зачаровалась картиной «Лодки», озарявшей зал светом заката, и, точно по воздуху, пошла к ней в теплых разноцветных носочках. Для меня с первого взгляда на выставке живописи в Магнитогорске эта картина художника Виктора Антонова была загадочна светоносностью. То ли прозолоть давно зашедшего солнца не затухала, то ли так негасимо разливалось свечение еще не обозначенного в пространстве Млечного Пути? А, вероятно, омут реки пронимало жаром земного ядра.

Татьяне захотелось узнать о творце «Лодок».

– Виктор Антонов создал «Лодки» за ночь, по воображению.

– Вечный свет – иллюзия, – о свете на полотне молвила она. – Вечно-го света не может быть, однако он создан маслом с помощью кисти и мастихина. В правдоподобных обстоятельствах, представляющих мнимыми, возник неправдоподобный свет, представляющий правдоподобным. Вечный свет – вот тайна искусства!

С годами Татьяна Глушкова, которую ее мама сберегала в подвале оккупированного Киева от немецких фашистов, стала в поэтической России не менее значима, чем Анна Ахматова и Ма-

рина Цветаева. Проницательски сокровенна, она открыла нашему Отечеству громадного мыслителя, грандиозного прозаика, изумительного православного этика, принявшего в Оптиной Пустыни тайный монашеский постриг, деятельного дипломата Константина Леонтьева. Эссе Татьяны Глушковой о Константине Леонтьеве, еще и причисляемом к поздним славянофилам, при своей праведной глубине отмечены столь утонченным вчувствованием, которое предопределило ее неопровержимое доказательство, что он сплавлял в своих апостольски мудрых выводах славянофильство с западничеством и восточными учениями.

Настоящие мореходы

Остерегая себя от национализма, великодушествуя в почитании других национальностей до самоуничтожения, он был национален, как вожди индийских народов Мохандас Ганди и Джавахарлал Неру, в их противостоянии английским колониалистам. С трибуны писательского форума в 1991 году она разоблачила предательский парижский договор, заключенный президентом СССР и генсеком КПСС Михаилом Горбачевым и министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, сделавшим нашу страну сырьевым придатком Западной Европы. Заклейменный Глушковой Шеварднадзе, устрасшись суда, бежал в отставку и скрылся в Грузии.

Сергей Козлов, к счастью детской литературы, маломощной творцами крупного таланта, пишет андерсоновской притягательности сказки. Мультфильм по его «Ежику в тумане» признан в Японии лучшим мультфильмом XX века. Моя жена Татьяна и я плыли в одной каюте с Козловым и его второй женой, тоже Татьяной, вокруг Европы на теплоходе «Лев Толстой». Не было дня, чтобы Сергей Григорьевич не сочинял сказок, сидя в баре с искусственными растениями, на которые прилетали отдохнуть и отоспаться певчие птички. И Сергей Козлов, и я оказались настоящими мореходами: нас не укачивало даже в штормы, когда сваливало в лежку всю команду, за исключением капитана и его юной любовницы, выходившей на палубу, чтобы полюбовались ее красотой и золотым крестиком на золотой цепочке – они ниспадали в сладостное мерцание ее междугрудья.

В 1996 году в «Абрисе» Санкт-Петербурга Глушкова выпустила книгу «Вычеркнутая нация», где с вещей непринужденностью отстояла право русских называться нацией.

Указываю на достижения Сергея Козлова и Татьяны Глушковой, обретенные в нашей словесности, не ради похвалы, а для того, чтобы заметить ошалелому от клеветнического произвола Ткаченко и ему подобным, что эти молодые прозорливицы обнаружили в повестиромане «Юность в Железнодорожье» автора святой честности, заслуживающей паломничества

Продолжение следует

> Татьяна Глушкова выпустила книгу «Вычеркнутая нация», где с вещей непринужденностью отстояла право русских называться нацией